

М.Н. Сербул

Самсон Вырин

Вырин Самсон — центральный персонаж повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель». «Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда».

Первый раз рассказчик встретился с Самсоном Выриным в мае 1816 года, когда остановился проездом на станции, где тот служил смотрителем. Самсону Вырину было лет пятьдесят, выглядел он свежо и бодро, а его длинный сюртук украшали три медали на полинялых лентах. Рассказчику особенно запомнилась дочь Самсона Вырина, девочка лет четырнадцати поразительной красоты. Обратил он внимание и на картинки, украшавшие «смирненную, но опрятную обитель» смотрителя. На них была последовательно изображена история блудного сына, и под каждой картинкой находились «приличные немецкие стихи». Окна комнаты украшали горшки с бальзамином, кровать была закрыта пестрой занавеской. Рассказчику не хотелось расставаться со смотрителем и его дочкой. Когда Дуня провожала его до коляски, он спросил у нее позволения поцеловать ее.

Через несколько лет обстоятельства снова привели рассказчика в ту же местность. Он радовался при мысли, что вновь увидит дочь смотрителя. Но когда он вошел в знакомый дом, в глаза его бросились разительные перемены. На всем лежала печать ветхости и небрежения. Хотя стол и кровать были на прежних местах, цветов на окнах не было. Сам Самсон Вырин постарел, поседел, лицо его было давно не брито. Рассказчик удивился, как три-четыре года могли бодрого мужчину превратить в хилого старика. Он стал расспрашивать о Дуне, но только стакан пунша развязал язык смотрителя. Самсон Вырин стал вспоминать свою дочь, на которой держался весь дом: «Господа приезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать аль отужинать, а в самом деле только чтоб на нее подолее поглядеть». Смотритель души не чаял в своей дочери, и они жили душа в душу, да пришла беда в его дом. Три года назад в зимний вечер появился на станции гусар. Он гневался и требовал лошадей, но появление Дуни произвело «обыкновенное свое действие». Гнев его сразу прошел, он согласился ждать лошадей. Когда лошади пришли, с гусаром сделалось дурно, и смотритель уступил ему свою кровать. На другой день гусару сделалось еще хуже, послали за лекарем в город. Дуня от больного не отходила, ухаживала за ним. Появившийся к обеду лекарь, поговорив с гусаром по-немецки и по-русски, объявил, что больному требуется спокойствие и в дорогу он сможет отправиться дня через два.

Через день гусар оправился. Он был весел, шутил, насвистывал песни, разговаривал с проезжими, даже сам вписывал их в подорожные книги. Он так понравился смотрителю, что ему было жаль расставаться с гусаром.

В воскресный день Дуня собралась к обедне. Гусару подали кибитку, и, прощаясь со смотрителем, он вызвался довезти ее до церкви. Смотритель согласился, но через полчаса, как Дуня с гусаром уехали, у него заныло сердце. Он не утерпел и пошел к церкви. Дочери он не нашел. У дьячка он узнал, что у обедни ее не было. Самсон Вырин еще надеялся, что Дуня прокатилась с гусаром до следующей станции, где жила ее крестная мать. К вечеру приехал хмельной ямщик и сообщил, что с той станции Дуня поехала с гусаром дальше.

Поняв, что болезнь гусара была притворной, Самсон Вырин заболел горячкою, а лечивший его лекарь, который лечил и гусара, подтвердил, что молодой человек был здоров. Через два месяца, только оправившись от болезни, смотритель выпросил отпуск в два месяца и пешком отправился в Петербург за своей «заблудшей овечкой». В Петербурге он

узнал, где живет ротмистр Минский и рано утром пришел к нему. Самсон Вырин стал просить Минского вернуть ему его бедную Дуню. Молодой человек в крайнем замешательстве повинился перед отцом, но заявил, что Дуню он не может покинуть, что с ним она будет счастлива, а от прежнего состояния она уже отвыкла. После своей речи Минский сунул что-то Самсону Вырину за рукав и выставил его за дверь.

Бедный старик долго стоял неподвижно, потом обнаружил за рукавом сверток. Это были деньги. Самсон Вырин со слезами негодования бросил эти деньги на землю, приотптал их каблуком и пошел прочь. Однако, отойдя на несколько шагов, он вернулся назад, но денег уже не было.

Прежде чем возвратиться на станцию, он через два дня решил еще раз увидеть бедную свою дочь, но из дома Минского его выставил лакей, сказав сурово, что барин никого не принимает.

В этот же день на Литейной, отслужив молебен у Всех Скорбящих, он встретил дрожки, на которых сидел Минский. Дрожки остановились перед трехэтажным домом, и гусар вбежал на крыльцо. Смотрителю пришла в голову счастливая мысль. Он спросил у кучера, где живет Дуня, под предлогом, что должен отнести ей записку. Смотритель вошел в квартиру, где в одной из комнат он увидел свою дочь, сидящей подле Минского. Она была одета со всей роскошью моды. Дуня с нежностью смотрела на Минского и перебирала его черные кудри. Самсон Вырин невольно залюбовался своей дочерью, но Дуня его заметила и с криком упала на ковер. Минский, увидев в дверях старого смотрителя, подошел к нему и, дрожа от гнева, вытолкнул старика на лестницу.

Самсон Вырин вернулся к себе на квартиру. Друг посоветовал ему жаловаться, но смотритель махнул рукой и через два дня уехал назад к себе на станцию, где опять принялся за свою должность.

Вот уже третий год живет он без дочери, не зная, что с ней. «Не ее первую, не ее последнюю, – сказал он, – сманил проезжий повеса, а там подержал, да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе и бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою...» Рассказывая историю, смотритель плакал, хотя слезы его отчасти были вызваны пуншем, коего он выпил пять стаканов. Слезы эти тронули рассказчика, и он долго не мог забыть В. и его бедную дочь.

Недавно, проезжая через знакомые места, рассказчик вспомнил о старом смотрителе. Он узнал, что станция, где тот начальствовал, уничтожена. Он решился посетить знакомое место. В селе он узнал, что смотритель год как умер — спился. Рассказчик попросил показать ему могилу покойного. Провожавший его мальчик рассказал, что летом приезжала «прекрасная барыня», «ехала она в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с черной моською». Узнав о смерти Самсона Вырина, она заплакала и пошла на кладбище. Там на могиле старого смотрителя она долго лежала. Кладбище, которое увидел рассказчик, было печальное, голое место, «ничем не огражденное, усеянное деревянными крестами, не осененными ни единым деревцом».